

После дня отдыха дома, за ужином Жун Фэн неожиданно сообщил:

— Я пойду в горы.

Материнское сердце волнуется, куда бы ни шёл сын. Но мать Жун, вздохнув, всё же кивнула:

— Пора бы уже патрулировать горы. Из-за моей болезни ты уже почти полгода не поднимался туда. Будь жив твой учитель, уж точно бы тебя отругал. Только вот... как это новобрачного фулана оставлять одного на целые месяцы? Патруль ведь дело долгое: месяц, а то и два.

Но Жун Фэн покачал головой:

— Не патруль. Патруль после Нового года. Сейчас просто зайду в горы по низкому поясу, сделаю круг и вернусь. На несколько дней.

Приближалась тяжёлая, голодная зима. Нижние террасы почти не дали урожая, запасов зерна и дров для зимовки в доме явно не хватит. А главное, травы для лекарств матери подходили к концу. Для отвара годился только дикий многолетний корень хуанцзин - жёлтый корень, которому сто лет и более. Благодаря именно такому лекарству старушка ещё держалась на этом свете: Жун Фэн каждый год рискуя жизнью добывал его с высоких пиков; в обычных лавках такого не найти.

Так что поход в горы был необходим - добыть лекарство, подстрелить дичь, собрать шкуры и мясо к зиме. И теперь, когда в доме появился Бянь Хун, который может присмотреть за матерью, Жун Фэн мог идти хоть немного спокойнее.

Бянь Хун молча слушал, внимательно впитывая каждое слово, особенно то, как нужно варить лекарственный отвар для старушки, сколько держать на огне и какие травы добавлять.

Утром следующего дня, когда небо только начинало светлеть, Жун Фэн уже собрал всё необходимое для выхода в горы: несколько шкур для ночёвок, лук, колчан со стрелами, моток пеньковой верёвки, два кремня - вот и всё, до болезненной простоты.

Бянь Хун, всё так же свернувшись в углу кана, молча наблюдал, как мужчина хлопотно и неуклюже укладывает узел. Наконец, Жун Фэн перетянул свёрток крепко-накрепко, перекинул его за спину и направился к выходу.

Но уже у порога он замедлил шаг, оглянулся и спросил:

— Тебе что-нибудь нужно?

Может, стоило бы захватить что-то по дороге. Его мать отдельно наставляла: «Ланцзюни не

такие, как вы, мужики. Им цветочки-пудры по сердцу, да и нежные они, береги его».

Бянь Хун чуть дёрнулся, но снова лишь глубже спрятался в широкую ватную куртку и тихо покачал головой. Жун Фэн уже почти вышел, когда услышал за спиной негромкий, спокойный голос. Сквозь длинную чёлку блеснули тёмные глаза, смотрящие прямо в его спину.

— Лучше... будь осторожен.

С тех пор как Бянь Хун добрался до этих мест, он уже не раз слышал рассказы об опасностях горы Мэмэн. В глазах местных это почти гиблое место, о котором говорят старую поговорку: «Иди вдоль хребта, не ходи через гору; кто через гору пойдёт, не вернётся».

Жун Фэн, услышав это, слегка удивился. Он только хмыкнул в ответ и поднял голову, взглянув на Бянь Хуна, свернувшегося в углу кана. Но тот сразу же отвёл взгляд и уткнулся глазами в другое место.

Как только мужчина ушёл, дом, стоящий в такой глуши, стал ещё тише, даже немного пустынное. Бянь Хун тщательно следовал инструкции по приготовлению лекарства. Промывал отмеренные травы, отбирал нужные - те, что требовалось кипятить первыми полчаса. По истечении времени он добавлял воду, соединял с остальными травами и ставил на медленный огонь.

Небо затянулось серым, холодный ветер закручивал во дворе сухие листья. Силы и дух матери Жун были заметно ослаблены, и она сказала:

— Похоже, скоро пойдёт первый снег...

Бянь Хун поднял глаза и взглянул на всё ещё спокойное небо, на одиночных перелётных птиц, пролетавших высоко. Затем он повернулся и подал старушке чашу густого, чёрного и горького отвара.

А опыт старушки, накопленный долгими годами, на этот раз оказался удивительно точным: действительно, к самым сумеркам ветер во дворе стих, и с неба начали медленно, мягко падать первые снежинки. Первый снег ещё не мог удержаться на земле, стоило ему коснуться почвы, как большая часть сразу таяла. Но после долгих часов снегопада на крышах и верхушках деревьев всё же легла тонкая белая пелена.

У Бянь Хуна уже не было тех сил и детского азарта, что в приюте, когда от первого снега хотелось выбежать на улицу, топтать сугробы и лепить снеговиков. Сейчас он только плотнее завернулся в рукава и подумал: раньше людей убивал голод, но всё же кору и корни можно было найти и пережить. А теперь, в эту стужу, те беженцы, что так и не нашли пристанища, вновь должны будут испытать другую жестокость природы.

Ночью, чтобы экономить дрова и чтобы присматривать за матерью Жун, Бянь Хун временно спал с ней на одном тёплом кане. В углу мерцала масляная лампа. Он вдевал нитку в иглу для старухи, чтобы она могла шить одежду, и молча слушал, как она, улыбаясь, вспоминает, каким Жун Фэн был в детстве.

В глазах этой матери сын, которого боятся тысячи людей за его гетерохромию, был ребёнком чутким, заботливым о других, надёжным и верным, но в душе очень ранимым.

Бянь Хун никак это не комментировал - ни необходимости, ни права судить у него не было. Но в тихой, неторопливой болтовне этой больной, слабой старушки он слышал то, чего сам никогда не имел: мягкую, тёплую материнскую любовь, безусловную, бескорыстную, не требующую ничего взамен.

И потому Бянь Хун без раздражения, терпеливо слушал, смотрел, сидел рядом, пока мать Жун не отложила иголку с ниткой и не стала клевать носом от усталости.

Он собирался было задуть лампу, как вдруг снаружи раздалось глухое, тяжёлое «бум-бум-бум» - кто-то стучал в дверь. Снег приглушал звук, удар был мягкий, не громкий; старушку на лежанке это даже не разбудило.

Сначала Бянь Хун решил, что ему послышалось. Кто мог прийти в такую глушь? Неужели тот мужчина вернулся спустя всего один день?

Но, выйдя из комнаты, он сразу понял - нет, что-то не так. За воротами стояло много людей, несколько факелов освещали заснеженный двор. У него внутри что-то сжалось; он мгновенно напрягся, схватил топор, которым Жун Фэн колот дрова, готовясь к нападению.

Однако, выйдя ближе к воротам, он услышал знакомый голос. Человек за дверью, тот, кто стучал и звал, был Минь Байгуй. Он дрожал, голос срывался, и он стучал ладонью, громко выкрикивая другое имя Бянь Хуна.

— Минь Си... Минь Си, открой! Это дядя... Есть кто-нибудь? Быстрее откройте дверь!

Бянь Хуну внезапно стало холодно, будто ледяная рука схватила за сердце. Он выронил тяжёлый топор, бросился к воротам и резко сорвал запор. Когда створки распахнулись, он увидел пять-шесть человек. Среди них знакомое лицо: тот самый носильщик паланкина. Снег перед воротами был затоптан в серую кашу.

Увидев Бянь Хуна, Минь Байгуй тут же рухнул на колени в грязный снег, не думая ни о чести, ни о возрасте, лицо его было перекошено горем и виной.

— Дитя... прости... прости, племянник... Прошлой ночью... когда все уснули, мы не уследили... Юаньдин и Гуанбао... вместе... пропали...

Слова ударили как гром среди ясного неба.

— С тех пор, как ты ушёл, Юаньдин спрашивал о тебе всего раз. Я подумал, ну, дети они дети... маленькие, память короткая, поплачет-поплачет да забудет. Потому и не следил особенно. Кто ж знал, что эти двое позавчера ночью тихонько умыкнули маленький мешочек проса и пропали. Сосед сказал, видел, как они уходили... по тропе вверх, к хребту.

Минь Байгуй говорил дрожащим голосом, сам измученный поисками, но вглядываясь в бледное, как бумага, лицо Бянь Хуна, понимал, что тот почти ничего не слышит.

— Мы искали их всю ночь. Как услышали, что пропали дети, все соседи, весь поселок выбежал, искали до рассвета. Но будто сквозь землю провалились, ни следа. Тогда я попросил того носильщика из деревни Шаньюй, только он знал, куда тебя увезли. Минь Си... племянник... дядя перед тобой виноват, перед твоим отцом тоже...

Ещё вчера он и представить не мог, что придётся в такую погоду карабкаться по горной тропе, да ещё вести за собой людей. Но стоило только вести о пропаже разлететься, даже в голодный год, даже когда каждый кусок на счету, брошенные дети для деревни - беда общая. У кого нет троих-пятерых ребят? Кто не понимает, что такое страх потерять?

Бянь Хун слушал или не слушал. Глаза покраснели, дыхание сбилось. Чтобы не вырвало снова, он наклонился, зачерпнул рукой горсть снега, смешанного с землёй, и практически впихнул себе в рот. Лёд обжёг язык, холод стек по пищеводу, стянул желудок, будто заморозил внутренности, только так он смог удержаться на ногах.

Бянь Хун бросился вперёд и вцепился обеими руками в ворот Минь Байгуя так, будто утопающий в соломинку.

— Где пропали?! Я пойду искать!

Все соседи, пришедшие вместе с дядей, только вздохнули. Они уже обошли всё, что можно было обойти. Двое малышей далеко не уйдут. Но раз уж пропали без следа... В такой глуши, зимой... кто знает, что с ними могло случиться. Скорее всего дурное. Они пришли сюда лишь чтобы сообщить про беду.

Но Бянь Хун не слушал. Он уже потерял слишком много в этой жизни и теперь, услышав о Юаньдине и Гуаньбао, с него будто сорвали кожу. Он рванул людей за собой вниз по склону, едва не валя каждого, кто пытался удержать.

Скользкая тропа не щадила никого - он падал, ударялся, катился по снегу, снова вставал. Казалось, он не чувствует ни боли, ни холода: только бежал.

Так прошла целая ночь.

Новость долетела даже до деревни Шаньюй: семья Ли-санлана, несмотря на то что пару дней назад была избита Жун Фэном, всё равно вышла на поиски. Они понимали, что перед Бянь Хуном у них слишком много вины.

К полуночи уже не осталось такого двора или оврага, куда бы ни заглянули люди. Били в гонги, звали детей по имени, зажигали факелы, прочёсывали леса и поля.

Ничего. Совсем ничего.

Бянь Хун кричал, пока голос не сорвался в хрип. Его одежда порвалась, сбитая в лохмотья о снег и камни; ватник протёрся до хлопка; колени разбиты. Метель пробивалась под ткань, таяла и тут же замерзала. Он шёл, будто облачённый в ледяные доспехи, тяжёлые, промозглые, сковывающие каждое движение.

Но он всё равно шёл. Пока ноги сами не перестали его держать.

Толпа в итоге снова собралась на склоне. Все говорили одно и то же: ни в одном направлении ни единой зацепки. Люди переглядывались, брови стянуты тревогой и усталостью.

Ли-санлан первым пришёл в себя - хлопнул ладонями, притопнул онемевшими ногами и выругался:

— Ай-ё, да ведь остаётся только в гору идти! Неужто эти двое малявок в Мэмэн полезли? Святые небеса!

Носильщик паланкина вставил слово:

— Не может быть. Маленькие же, куда им...

Но Бянь Хун знал правду. Могут.

Эти дети прошли с ним через половину безлюдных мёртвых земель, когда бежали от голода. Они знали: чтобы жить надо идти. И умели идти. И потому они до сих пор были живы. А теперь возможно, именно это умение завело их в беду. Бянь Хун снова собрал волю в кулак и решительно поднялся прямо ко входу в Мэмэн.

Несколько человек, измотанные холодом, уже разошлись по домам, но большая часть всё ещё шла за ним, пока не дошли до тропы у подножия горы. Небо постепенно светлело.

Но детей так и не нашли.

И когда Бянь Хун, ни секунды не сомневаясь, сделал шаг к пропасти туманов и хвойных зарослей, люди все разом бросились его хватать. Даже Минь Байгуй, едва стоящий на ногах после ночи поисков, тоже встал поперёк дороги:

— Нельзя тебе! Нельзя! Идти в Мэмэн - это... это смерти просить!

Их руки цеплялись за Бянь Хуна словно последняя преграда между ним и бездной.

— Старший племянник, — Минь Байгуй почти плакал, запинаясь, — я знаю, что детей нужно искать, но если ты собрался лезть в Мэмэн, я не позволю! Ни за что не могу допустить, чтобы ты тоже пропал! Если вы трое все погибнете... как я перед твоим отцом предстану на том свете? Так я пойду в гору, а ты жди здесь!

Услышав такое, остальные тоже заголосили: если эти двое полезут в гору - это же чистое самоубийство, особенно в снегопад! Из Мэмэн зимой и сам Нефритовый Император живым не выйдет.

Но Бянь Хун уже всё решил. Он оттолкнул Минь Байгуя, проигнорировал руки, что хватали его за плечи и одежду, и сам шагнул к туманному входу в горы.

И именно в этот момент в глубине усыпанного снегом лесного проёма, в бледном рассветном свете, из-за склона медленно начал проступать силуэт. Высокий, широкоплечий, идущий твёрдо, будто сам снег под ним отступал. Холодные снежные кристаллы мерцали в лучах восходящего солнца, обрамляя его как огненной каймой.

Когда мужчина вышел полностью, толпа ахнула и дружно отшатнулась - разные по цвету, сини и карий, глаза, будто из легенд о горных духах, пронзили рассветный воздух.

А Бянь Хун наоборот рванулся вперёд, почти споткнувшись о снег.

Мужчина одним движением распахнул накидку из звериной шкуры, и под мощной рукой стали видны двое детей, прижатые к груди, сонные, перепуганные, но живые.

Двое детей, до того дремавшие в его тёплых руках, вдруг услышали зов «старшего брата Си» и сразу пришли в себя. Они забарахтались, прыгнули на землю, и, увидев, что это действительно их брат Си, молчавшие всю дорогу Юаньдин и Гуанбао разрыдались в голос.

Бянь Хун, пошатываясь, бросился к ним, упал на колени и крепко-накрепко прижал обоих к себе. Его всего трясло, он почти не мог выдать ни слова.

Юаньдин, обхватив его за шею, плакал навзрыд, но первой же фразой вымолвил:

— У-у-у... брат Си... прости... Я взял тот мешок с просом, который отдали, чтобы тебя выкупить... По дороге всё рассыпал...

В душе Бянь Хуна поднялась такая волна боли и нежности, что её трудно было описать. Он окоченевшей рукой погладил Юаньдина по голове:

— Ничего страшного.

<http://bllate.org/book/13502/1199894>